

КНИГА ПЕРВАЯ

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы
Новые. Боги, — ведь вы превращения эти вершили, —
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

- ⁵ Не было моря, земли и над всем распростертого
неба, —
Лик был природы един на всей широте
мироздания, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, — и только, — где собраны
были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.
- ¹⁰ Миру Титан никакой тогда не давал еще света.
И не наращивала рогов новоявленных Феба,
И не висела земля, обтекаема током воздушным,
Собственный вес потеряв, и по длинным земным
окоемам
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.
- ¹⁵ Там, где суша была, пребывали и море и воздух.
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.
Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.
Всё еще было в борьбе, затем что в массе единой

Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью
 сухость,

²⁰ Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.
 Бог и природы почин раздору конец положили.
 Он небеса от земли отрешил и воду от суши.
 Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.
 После же, их разобрав, из груди слепой их извлеки,

²⁵ Разные дав им места, — связал согласиём мирным.
 Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным,
 Место себе обрета на самом верху мироздания.
 Воздух — ближайший к огню по легкости
 и расстоянью.

Оных плотнее, земля свои притянула частицы.

³⁰ Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,
 Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.
 Расположенную так, бог некий — какой,
 неизвестно —
 Массу потом разделил; разделив, по частям
 разграничил —
 Землю прежде всего, чтобы все ее стороны гладко

³⁵ Выровнять, вместе собрал в подобье огромного круга.
 После разлил он моря, приказал им вздыматься
 от ветров
 Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.
 После добавил ключи, болота без края, озера;
 Брегом извилистым он обвел быстроводные реки,

⁴⁰ Разные в разных местах, — иные земля поглощает,
 К морю другие текут и, дойдя, поглощаются гладью
 Вольно разлившихся вод, и скалы им берегом служат.
 Он повелел разостлаться полям, и долинам —
 вдавиться,
 В зелень одеться лесам, и горам вознестись
 каменистым.

- 45 Справа пояса два и слева столько же неба
Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенной,
пятый.
Сводом объятую твердь означил умысел бога
Точно таким же числом: земля — с пятью полосами.
На серединной из них от жары обитать невозможно.
- 50 Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними
Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.
Воздух вплотную навис над ними; насколько по весу
Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжеле.
В воздухе тучам стоять приказал он и плавать
туманам,
- 55 И разражаться громам, смущающим души людские,
Молниям он повелел и ветрам приносить охлажденье.
Но не повсюду владеть позволил им мира строитель
Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать
ветрам,
Хоть и по разным путям направляется их дуновение,
- 60 Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,
В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним
светом.
Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,
Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию и
в Семизвездье
- 65 Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого
Австра.
Сверху же, выше их всех, поместил он веса
лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятанный грязью.
Только лишь расположил он всё по точным
границам, —

- 70 В оной громаде — слепой — зажатые прежде созвездья
Стали одно за одним по всем небесам загораться;
Чтобы предел ни один не лишен был живого
создания,
Звезды и формы богов небесную заняли почву.
Для обитанья вода сверкающим рыбам досталась,
75 Суша земная зверям, а птицам — воздух подвижный.
Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, —
не являлось.
- И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
80 Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные
в землю
- 85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразясь, приняла людей небывлые обличья.
- Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
90 Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду
и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи, — в безопасности жили
без судей.
- И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы
95 С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.

Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
 Труб не бывало прямых, ни медных рогов
искривленных,
 Не было шлемов, мечей; упражнений военных
не зная,

¹⁰⁰ Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
 Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
 Плугом не ранена, всё земля им сама приносила.
 Пищей довольны вполне, получаемой
без принужденья,
 Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный
сбирали,

¹⁰⁵ Терн, и на крепких ветвях висящие ягоды тута,
 Иль урожай желудей, что с дерева Юпитера пали.
 Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
 Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.
 Боле того: урожай без распашки земля приносила;

¹¹⁰ Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
 Реки текли молока, струились и нектара реки,
 Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.
 После того как Сатурн был в мрачный Тартар
низвергнут,
 Миром Юпитер владел, — серебряный век народился.

¹¹⁵ Золота хуже он был, но желтой меди ценнее.
 Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,
 Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень
 С краткой весной; разделил он четыре времени года.
 Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей, воздух

¹²⁰ Стал раскаляться и лед — повисать под ветром
морозным.
 Тут впервые в домах расселились. Домами служили
 Людям пещеры, кусты и лыком скрепленные ветви.
 В первый раз семена Церерины в бороздах длинных

- Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный.
- ¹²⁵ Третьим за теми двумя век медный явился на смену;
Духом суровой он был, склонней к ужасающим
браням, —
Но не преступный еще. Последний же был — из железа,
Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля,
Всё нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;
- ¹³⁰ И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы.
Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие горных
На непривычных волнах корабли закачались впервые.
- ¹³⁵ Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце
и воздух,
Длинной межою поля землемер осторожный разметил.
И от богатой земли не одних урожаев и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням
стигийским,
- ¹⁴⁰ Стали богатства копать, — ко всякому злу побужденье!
С вредным железом тогда железа вреднейшее злато
Вышло на свет и война, что и златом крушит,
и железом,
В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.
Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
- ¹⁴⁵ В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.
Муж жену погубить готов, она же — супруга.
Страшные мачехи, те аконит подбавляют смертельный;
Раньше времени сын о годах читает отцовских.
Пало, повержено в прах, благочестье, — и дева Астрея
- ¹⁵⁰ С влажной от крови земли ушла — из бессмертных
последней.
-

Не был, однако, земли безопасней эфир высочайший:
В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты;
К звездам высоким они громоздили ступенями горы.
Тут всемогущий отец Олимп сокрушил, ниспослал он
¹⁵⁵ Молнию; с Оссы он сверг Пелион на нее

взгроможденный.

Грузом давимы земли, лежали тела великанов, —
Тут, по преданью, детей изобильной напитана кровью,
Влажную стала земля и горячую кровь оживила;
И, чтоб от рода ее сохранилась какая-то память,
¹⁶⁰ Образ дала ей людей. Но и это ее порожденье
Вовсе не чтило богов, на убийство свирепое падко,
Склонно насилье творить. Узнаешь рожденных
от крови!

Это Сатурний-отец увидал с высокой твердыни
И застонал и, стола Ликаонова гнусный припомнив
¹⁶⁵ Пир, недавний еще, получить не успевший огласки,
Сильным в душе запылав и достойным Юпитера
гневом,

Созвал богов на совет. И не медлили званые боги.
Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;
Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.
¹⁷⁰ То для всевышних богов — дорога под кров

Громовержца,

В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева
Атрии знатных богов, с дверями, открытыми настежь.
Чернь где придется живет. В передней же части
чертога

Встали пенаты богов — небожителей, властью славных.
¹⁷⁵ Это-то место — когда б в выражениях был я смелее —
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.
Так, расселись едва в покоях мраморных боги,

На возвышенья, рукой опершись на скипетр из кости,
 Трижды, четырежды он потряс приводящие в ужас
¹⁸⁰ Волосы, поколебав и землю, и море, и звезды.
 Следом за тем разрешил и уста, возмущенные гневом:
 «Нет, я не более был вселенной моей озабочен
 В те времена, как любой из врагов змееногих готов
 был
 С сотней протянутых рук на пленное броситься небо!
¹⁸⁵ Хотя и жестокий был враг, — но тогда от единого рода
 Происходила война и единый имела источник.
 Ныне же всюду, где мир Нереевым гулом охвачен,
 Должен смертный я род погубить. Клянуса реками
 Ада, что под землей протекают по роще стигийской, —
¹⁹⁰ Было испытано всё. Но неизлечимую язву
 Следует срезать мечом, чтоб здоровую часть не задело.
 Есть полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы,
 Фавны, сатиры и тор обитатели диких — силваны.
 Если мы их до сих пор не почтили жилищем на небе,
¹⁹⁵ Землю мы отдали им и на ней разрешим оставаться.
 Но, о Всевышние! Всё же довольно ль они безопасны,
 Ежели мне самому, и вас и перуна владыке,
 Козни строить посмел Ликаон, прославленный
 зверством?»
 Затрепетали тут все и дерзкого требуют с жарким
²⁰⁰ Рвением. Так было, когда осмелился сброд нечестивый
 Римское имя залить в неистовстве — Цезаря кровью.
 Ужасом был поражен, что громом, при этом паденье
 Род человеческий, вся содрогнулась вселенная страхом.
 Столь же отрадна тебе твоих близких преданность,
 Август,
²⁰⁵ Сколь Громовержцу — богов благоверность.
 Лишь голосом он и рукою
 Ропот вокруг подавил, все снова безмолвными стали.

Только лишь кончился крик, подавлен владыки
величьем,

Сызнова речью такой прервал Юпитер молчанье:

«Он уже кару понес, и об этом оставьте заботу.

²¹⁰ Что совершил он и как был наказан, о том сообщу я:

Наших достигла ушей недобрая времени слава.

Чая, что ложна она, с вершины спускаюсь Олимпа,

Обозреваю я — бог в человеческом облике — землю.

Долго б пришлось исчислять, как много повсюду

нашел я

²¹⁵ Злостного. Истине всей молва уступала дурная.

Вот перешел я Менал, где звериные страшны берлоги,

После в Киллену зашел и в прохладные сосны Ликея,

В дома аркадцев входил и под кров неприятный

тирана.

Сумерки поздние ночь меж тем влекли за собою.

²²⁰ Подал я знак, что пришло божество, — народ тут

молиться

Начал. Сперва Ликаон над обетами стал насмехаться

И говорит: «Испытаю при всех в открытую, бог ли

Он или смертный. Тогда не будет сомнительна правда».

В ночь, отягченного сном, сгубить нечаянной смертью

²²⁵ Хочет меня. По душе ему этак испытывать правду.

Но, не довольствуясь тем, одному из заложников, коих

Выслал молосский народ, мечом пронзает он горло.

После в кипящей воде он членов часть полумертвых

Варит, другую же часть печет на огне разведенном.

²³⁰ Только лишь подал он их на столы, я молнией

мстящей

Дом повалил на него, на достойных владельца пенатов.

Он, устрешенный, бежит; тишины деревенской

достигнув,

Воет, пытаясь вотще говорить. Уже обретают

Ежель остался дом, устоял пред такую бедою
Неповрежденный, то всё ж он затоплен водою

высокой,

²⁹⁰ И уже скрыты от глаз погруженные доверху башни.
Суша и море слились, и различья меж ними не стало.
Всё было — море одно, и не было берега у моря.
Кто перебрался на холм, кто в лодке сидит крутобокой
И загребает веслом, где сам обрабатывал пашню.

²⁹⁵ Тот над нивой плывет иль над кровлей утопшего дома
Сельского. Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза.
То в зеленеющий луг — случается — якорь вонзится,
Или за ветви лозы зацепляется гнущее днище.
Там, где недавно траву щипали поджарые козы,

³⁰⁰ Расположили свои неуклюжие туши тюлени.
И в изумленье глядят на рощи, грады и зданья
Девы Нереевы. В лес заплывают дельфины, на сучья
Верхние вдруг налетят и, ударясь, дуб заколеблют.
Волк плывет меж овец, волна льва рыжего тащит.

³⁰⁵ Тащит и тигров волна; не впрок непомерная сила
Вепрю, ни ног быстрота влекомому током оленю.
Долго земли проискав, куда опуститься могла бы,
Падает в море, кружа, с изнемогшими крыльями птица.
Залиты были холмы своевольем безмерной пучины, —

³¹⁰ В самые маковки гор морской прибой ударяет.

Гибнет в воде большинство; а немногих, водой
пощаженных,
При недостатке во всём, продолжительный голод
смиряет.

От Аонийских вершин отделяет Эту Фокида, —

Тучные земли, дотоль они землями были, теперь же

³¹⁵ Моря частица, воды небывалой широкое поле.

Там крутая взнеслась гора двухвершинная к звездам,

